

УДК 322:281.93

UDC322:281.93

**РАЗВИТИЕ ИОСИФЛЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В
1920–30-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)****DEVELOPMENT OF THE JOSEPHITE
MOVEMENT IN THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN 1920-30 (ON THE MATERIALS OF
THE SOUTH OF RUSSIA)**

Беликова Наталья Юрьевна
к.и.н., доцент, заместитель декана по научной и
инновационной деятельности социально-
гуманитарного факультета
*ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
технологический университет», Краснодар,
Россия*

Belikova Natalia Yurievna
Cand.Hist.Sci., associate professor, Deputy Dean of
Research and Innovation of the Faculty of Social
Sciences and Humanities
*FSBEE HPE «Kuban State Technological
University», Krasnodar, Russia*

В статье рассматривается процесс
возникновения и организационного оформления
иосифлянского движения в православии на
территории юга России. Представлены итоги
репрессивной политики советского государства
в отношении представителей иосифлянского
движения

The process of occurrence and organizational
registration of Josephite movement in Orthodoxy in
the South of Russia is considered in the article. The
results of repressive policy of the Soviet state
concerning the representatives of Josephite movement
are presented

Ключевые слова: ИДЕОЛОГИЯ,
ИОСИФЛЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, БУЕВЦЫ,
ПРАВОСЛАВИЕ, РЕПРЕССИИ, АРЕСТЫ,
ПОЛУЛЕГАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Keywords: IDEOLOGY, JOSEPHITE MOVEMENT,
BUYEVTSI, ORTHODOXY, REPRISALS,
ARRESTS, HALF LEGAL ACTIVITY

Проблема внутренних расколов в Русской Православной церкви не ограничивалась только обновленчеством. Со второй половины 20-х годов до 1944 г. деятельность Церкви тесно связана с именем митрополита Сергия (Старгородского). В декабре 1925 г. руководство РПЦ перешло к Заместителю Патриаршего Местоблюстителю митрополиту Сергию. Он предпринимал попытки наладить взаимоотношения с новой властью. Так, 10 мая 1927 г. митрополит Сергей послал ходатайство в НКВД с просьбой разрешить ему осуществлять управление Церковью. А 18 мая 1927 г. в Москве было созвано совещание епископов, на котором выступил митрополит Сергей с проектом по организации Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) из 8 членов. В ответ на ходатайство 20 мая НКВД сообщил в патриархию, что «препятствий к деятельности высшего церковного органа впредь до утверждения не встречается» [1]. 25 мая 1927 г. состоялось официальное заседание ВПСС, в тот же день по епархиям было

разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные епархиальные советы и зарегистрировать в местных органах власти [2]. Эти документы свидетельствуют о начале формирования церковно-административной структуры Патриархата под жестким контролем органов советской власти.

Политика советского государства в отношении Русской Православной церкви по-разному воспринималась священнослужителями. В 20-30 е гг. XX в. наблюдалось массовое сопротивление духовенства и мирян антирелигиозной политике государства. Одной из форм полулегальной оппозиции являлось иосифлянское движение в православии, возникшее в ответ на «Декларацию 1927 года» митрополита Сергия. 29 июля 1927 г. митрополитом Сергием совместно с членами Синода было выпущено «Послание к пастырям и пастве», в котором заявлялось: «Нам нужно не на словах, а на деле доказать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи наши неудачи...»[3].

По-разному отнеслись священнослужители к этому документу. В Послании «соловецких архиереев» митрополиту Сергию говорилось: «...Мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и

государства. Церковь не может взять на себя перед государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать «все радости и успехи государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами... В программу же настоящего правительства входит искоренение религии, и для осуществления этой задачи им издан ряд законов. Успехи государства в этом направлении Церковь не может признать своими успехами» [4]. Арестованные иерархи отмечали, что политика новой власти с первых законодательных актов была направлена на искоренение религии, а не на поиск путей сотрудничества государства с РПЦ. Сам митрополит Сергей после долгих колебаний избрал путь сотрудничества с властями ради преемственности «законного» Православия.

Декларация митрополита Сергея стала рубежным событием в истории Церкви в XX веке. Спор исследователей о необходимости такого шага не утихает до сих пор. Поспеловский Д.В. объяснял данное явление несколькими причинами: прежде всего «люди, захваченные водоворотом атеистической революции,... либо так и остались за пределами Церкви, либо...возвращались в лоно традиционной Церкви,...через личный опыт неприятия советского эксперимента»; так же «верующая масса с самого начала сохраняла верность патриаршей Церкви, отвергавшей атеистический режим и для верующих был неприемлем интернационализм коммунистической доктрины и коммунистической практики уничтожения национальной культуры»[5].

Компромисс митрополита Сергея с государственной властью привел к возникновению в 1927 году движения «непоминающих» (гражданские власти и митр. Сергея). Первоначально насчитывалось около 40 архиереев, отказавшихся от административного подчинения Заместителю Патриаршего Местоблюстителя. По мнению М.В. Шкаровского, центральное место среди «непоминающих» занимала

наиболее сильная и сплоченная «иосифлянская» группа, получившая свое название по имени формального руководителя – митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых)[6].

Это движение представляло собой попытку части духовенства и верующих найти самостоятельный, альтернативный путь развития РПЦ в условиях постреволюционной модернизации страны – в форме легальной или полуполюгальной оппозиции. Иосифляне не претендовали на создание нового центра власти или самостоятельной параллельной церкви. Их главной целью было привлечение на свою сторону как можно большей части духовенства и, прежде всего, епископата. Конечную цель иосифляне видели в завоевании высшего церковного управления в существующей Патриаршей церкви. В 1930-е годы иосифлянское движение было едва ли не уникальной формой полуполюгальной оппозиции в стране, по возможности дольше стремясь не уходить в подполье.

На юге России иосифлянское движение было представлено «буевским» направлением. Оно получило свое название по фамилии руководителя епископа Алексия (Буя) [7].

В январе 1928 года епископ Козловский Алексей (Буй) обратился с посланием к православному клиру и мирянам управляемой им Воронежской епархии, в котором говорилось: «Стоя на страже Православия и зорко следя за всеми проявлениями церковной жизни не только во вверенной нашему смиренню епархии, но и вообще в патриархате, мы к великому нашему прискорбию, обнаружили в последних деяниях возвратившегося к своим обязанностям Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Сергия, Митрополита Нижегородского, стремительный уклон в сторону обновленчества, превышение прав и полномочий, представленных ему, и нарушение святых канонов... Своими противными духу Православия деяниями

митрополит Сергей отторгнул себя от единства со Святой, Соборной и Апостольской Церковью и утратил право предстоятельства Русской Церкви...Высокопреосвященнейшего Иосифа (Петровых) избираю своим Высшим духовным руководителем»[8].

В этом документе сформулирован протест епископа Алексия против действий митрополита Сергея, направленных на подчинение РПЦ государственной власти, а также выражалась поддержка Алексием антисергианского движения.

Иосифлянское движение начинает активно распространяться на юге России. 18 марта 1928 года к Алексию приехал руководитель антисергианских приходов в Майкопском, Черноморском и Армавирском округах Северо-Кавказского края епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Перед посещением епископа Алексия он объехал значительную часть восточной Украины, беря под свое окормление разделявшее его взгляды местное духовенство. После обмена мнениями и информацией о положении духовенства в Северо-Кавказском крае епископ Варлаам признал епископа Алексия руководителем. Свой переход в подчинение ему епископ Майкопский оформил рассылкой воззвания к духовенству с указанием, что с этого времени он и все, кто ему подчиняется, переходят под руководство еп. Алексия [9]. Таким образом, стало оформляться организационное управление антисергианскими приходами на юге России.

После совещания руководителей иосифлянского движения, проходившего в мае 1928 года в Ленинграде, епископ Алексий формально стал управляющим всеми иосифлянскими приходами юга России и исполняющим обязанности экзарха Украины. Епископ Дмитрий передал епископу Козловскому окормляемое им ранее духовенство Кубани и Ставрополя. Необходимо отметить, что известие об этом вызвало переход части сергианских приходов юга

России под власть Алексия. Благодичным иосифлянских приходов Кубани и Ставрополя был назначен священник Василий Павлович Перепелкин. В горах Северного Кавказа интересы епископа Алексия представлял епископ Варлаам. Он жил нелегально в скиту в урочище Пеус, окормлял иосифлян Майкопского, Черноморского и Армавирского округов.

Бурное развитие «буевского» движения встревожило местные власти, вслед за этим последовали репрессивные акты. ОГПУ предпринимает крупномасштабную операцию против руководства иосифлянского движения. На юге России аресты проходили с января 1929 г. по февраль 1931 г. Так, в начале января 1929 г. священник В.П. Перепелкин был арестован и приговорен Полномочным Представительством ОГПУ в Северо-Кавказском крае к высылке в Северный край на три года. 4 апреля 1932 года он был арестован уже на месте ссылки как руководитель «монархической контрреволюционной организации церковников» на Кубани и приговорен к 5 годам концлагеря. Трагично сложилась и судьба епископа Варлаама, который был арестован в сентябре 1929 года по обвинению в руководстве «Черноморским филиалом Истинноправославной церкви» и позже был расстрелян. Таким образом, «буевское» движение на Кубани и Ставрополье было обезглавлено, но само движение продолжало существовать. В 1930 году 12 иосифлянских приходов Кубани присоединились к владыке Иоасафе епископу Бахмутскому и Донецкому.

Поставленные арестами перед невозможностью служить легально, иосифляне в ряде районов юга России стали уходить в подполье. В 1930—1933 гг. этот процесс развернулся повсеместно. С 1939 года в тайные иосифлянские общины было очень трудно попасть. Количество служб значительно сокращалось.

Яркую картину нелегальной деятельности этих общин на юге России накануне войны рисует докладная записка уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю председателю КПК А.А. Андрееву от 18 июня 1941 г. В ней говорилось, что «В Буденновском районе, являвшемся за последнее время центром контрреволюционного церковного подполья, функционировало 4 церкви, в одной из которых вскрыт и ликвидирован подпольный монастырь. На территории Орджоникидзевского края с центром в Буденновске действовал контрреволюционный церковно-повстанческий центр, ликвидированный во второй половине 1940 года. В ряде районов края этими церковниками были организованы глубоко законспирированные кельи и молитвенные дома, обитаемые, в большинстве своем, беглыми монашескими элементами, беглыми попами и особенно ревностными фанатиками – верующими. Церковники в Буденновском районе развернули свою контрреволюционную клеветническую деятельность, направленную к подрыву колхозного строительства и оборонного могущества СССР»[10].

К иосифлянским общинам представители власти относились очень враждебно и стремились к их полной ликвидации, так как иосифлянское движение с самого начала приобрело политическую окраску. Следует отметить, что репрессивные акции со стороны государственной власти в 1930-е годы коснулись не только представителей иосифлянского движения, но и обновленцев лояльно относившихся к власти [11].

Появление новых течений в РПЦ под воздействием постреволюционной модернизации по-разному воспринималось государственными органами. Сначала советская власть старалась «помогать» Сергию, производя массовые аресты не подчинившихся

ему епископов и священников. На допросах следователи ОГПУ спрашивали арестованных об их отношении к митрополиту Сергию, а потом вступали в богословские споры, стараясь доказать правоту действий Сергия и его Декларации [12]. Подобные действия предпринимались властями явно для того, чтобы усилить раскол РПЦ. Это в дальнейшем облегчило борьбу власти с Патриаршей церковью.

К весне 1927 г. политика ОГПУ по ликвидации единого центра Патриаршей церкви была близка к успеху. Шантажируемый угрозой ареста всей православной иерархии, в обмен на «легализацию» Патриархии, Сергей согласился выполнить основные требования властей и, прежде всего, допустить их вмешательство в кадровую политику: проведение епископских хиротроний с согласия ОГПУ, перемещение архиереев по политическим мотивам [13]. Расчеты митрополита Сергия на то, что его уступки позволят свернуть террор против РПЦ, не оправдались. Однако в свете событий последующего десятилетия, когда встал вопрос не о подчинении, а о полном уничтожении православия в СССР, позиция митрополита Сергия позволяла хотя бы частично сохранить церковь и являлась оправданной. РПЦ в условиях идеологизации общества не могла сопротивляться государственному атеизму, который стал одним из направлений влияния советского государства на РПЦ.

В первые годы постреволюционной модернизации, с одной стороны, был выработан основополагающий принцип государственно-церковных отношений, определивший суть революционной власти на последующие годы модернизационных преобразований, а с другой – под воздействием политической, экономической ситуаций в РПЦ появились новые течения. Одним из таких течений стало иосифлянское движение. На юге России оно было представлено «буевским» направлением.

Список литературы

1. См.: Регельсон Л.Л. Трагедия Русской церкви 1917–1945. – М., 1996. С. 221–223.
2. Там же.
3. Там же. С.431-432.
- 4.Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. – М., 1996. С.233.
- 5.Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 81.
- 6.См.:Шкаровский М.В. Истинно-православные в Воронежской епархии //Минувшее. Кн. 19. 1996. С.320.
- 7.Центр документации новейшей истории Ставропольского края Ф.5938.Оп.1.Д.21.Л. 11.
8. Шкаровский М.В. Указ. Соч. - С. 334–335.
9. Там же. С. 324.
- 10.Российский государственный архив социально-политической истории Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 80.
11. См.:Беликова Н.Ю. Русская православная церковь на юге России накануне Великой отечественной войны (на материалах Краснодарского края)// Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион. Общественные науки, №4(164), 2011. С.22-26
- 12.См.: Поспеловский Д.В Указ. соч. С.154
- 13.См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве.-М., 1999. С.87.

References

1. Sm.: Regel'son L.L. Tragedija Russkoj cerkvi 1917-1945.- M., 1996. S.221-223.
2. Tam zhe.
3. Tam zhe. S.431-432.
- 4.Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917-1941. – M., 1996. S.233.
- 5.Pospelovskij D.V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v XX veke. M., 1995. S. 81.
- 6.Sm.:Shkarovskij M.V. Istinnopravoslavnye v Voronezhskoj eparhii //Minushee. Kn. 19. 1996. S.320.
- 7.Centr dokumentacii novejshej istorii Stavropol'skogo kraja F.5938.Op.1.D.21.L. 11.
8. Shkarovskij M.V. Ukaz. Soch. - S. 334-335.
9. Tam zhe. S. 324.
- 10.Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii F. 17. Op. 125. D. 44. L. 80.
11. Sm.:Belikova N.Ju. Russkaja pravoslavnaja cerkov' na juge Rossii nakanune Velikoj otechestvennoj vojny (na materialah Krasnodarskogo kraja)// Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki, №4(164), 2011. S.22-26
- 12.Sm.: Pospelovskij D.V Ukaz. soch. S.154
- 13.Sm.: Shkarovskij M.V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushheve.-M., 1999. S.87.